

**Провоцирующее и исчезающее:
аффордансы северных земель.
Рец. на: Корандей, Ф. (Ред.). (2025).
Провоцирующие ландшафты: городские
периферии Урала и Зауралья. М.: Новое
литературное обозрение**

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ДОРОНИН ^{[1], [2]}

✉ demetra2@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3002-8074>

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

^[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Для цитирования:

Доронин, Д. Ю. (2026). Провоцирующее и исчезающее: аффордансы северных земель. Рец. на: Корандей, Ф. (Ред.). (2025). Провоцирующие ландшафты: городские периферии Урала и Зауралья. М.: Новое литературное обозрение. *Фольклор и антропология города*, 8(1), 332–352.

Дата поступления в редакцию: 01.10.2025

Дата принятия к публикации: 29.12.2025

© Д. Ю. Доронин, 2026

Provocative and vanishing: The affordances of northern lands. A review of: Korandei, F. (Ed.). (2025). *Provocative Landscapes: The Urban Peripheries of the Urals and Trans-Urals*. Moscow: New Literary Observer

DMITRIY YU. DORONIN ^{[1], [2]}

✉ demetra2@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3002-8074>

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite:

Doronin, D. Yu. (2026). Provocative and vanishing: The affordances of northern lands. A review of Korandei, F. (Ed.). (2025). *Provocative Landscapes: The Urban Peripheries of the Urals and Trans-Urals*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. *Urban Folklore & Anthropology*, 8(1), 332–352.

Received: 01.10.2025

Accepted: 29.12.2025

© D. Yu. Doronin, 2026

Имя перед собой книгу явно неординарную, написанную знаковыми и уважаемыми авторами, с хорошей претензией на новое антропологическое звучание того, что в научных кругах нейтрально и почти скучно называют «городская периферия», а в кругах художественных или даже активистских — «предместье», «бэд сайды», «край», «серый пояс», «замкадье» и т. п., необходимо несколько слов сказать о значении этих «периферий» для антропологии.

Периферия удаленных от Москвы мест влечет и приковывает наше внимание — возможно, почти так же, как антропологов прошлого влекла экзотика далеких островов со своими странными аборигенами. По всем правилам «постколониальной диалектики» удаленные места произвели своих антропологов, которые «изуча-

ют свою культуру сами». Но уже не так, как это делали двадцать лет назад изгоняющие столичных исследователей «национальные этнографы», а, наверное, совсем по-новому — как культуру необычную, гибридную, региональную, нетрадиционную и странную — со знаменами антропоцена, остранения, посткапитализма и аффордансов в антропологических руках. Поэтому и коллектив авторов «Провоцирующих ландшафтов» (исследователей из Тюмени и Екатеринбурга) — сам по себе вызывающий внимание антропологический феномен.

Внимание к нецентральному темам, маргиналиям, перифериям — вообще уже довольно давний тренд современных наук о культуре. По-новому прочитываются и становятся модными авторы, для которых была важна жизнь на периферии. С довольным урчанием антропологи поглощают неантропологов — поэтов, строителей, геологов, живописцев, нефтяников, биологов и др. Примечательно, что и замысел «Провоцирующих ландшафтов», по признанию авторов, пришел не из ученой антропологии, а из прогулок с известными поэтами (почти «лианозовского типа») и культуртрегерами (Владимир Богомяков, Арсений Заргарян), чьи практики освоения городского ландшафта вполне себе в духе «городского дрейфа» Ги Дебора.

Совместные (с «аборигенами») «антропологические прогулки» — важный метод для участников книги, позволяющий вскрывать эмные миры обитателей «провоцирующих ландшафтов». Авторы «следовали принятым повседневным путям, проводя пешеходные интервью с местными жителями, выявляя в ходе обсуждения с ними территориальную иерархию, критерии выделения местных районов, емкость каналов коммуникации, режимы мобильности, нарративы идентичности, получая опыт воплощенного в материальности и телесности движения». «Как изучать этот культурный ландшафт? <...> За последние три года я принял участие в нескольких десятках прогулок, проводившихся людьми, желавшими показать исследователям места, в которых они проживают», — пишет Федор Корандей (С. 258).

Для вдохновителя книги, поэта и философа Богомякова важен философ, авангардист и почти визионер Ги Дебор, для автора книги, антрополога-географа Корандей — географ И-Фу Туан и антрополог Тим Ингольд. В одном из своих прекрасных интервью 2019 года Богомяков сказал в частности: «Для меня путешествия — это отдушина, дрейф души. Самое интересное в этих поездках — движение поперек. Не просто проезжать мимо городов и поселков, а открывать для себя их изнанку. Вот такие детали интересные я и называю “ездить поперек”. Как Ги Дебор, который ходил-гулял по

центральных улицам Марсея, накурился гашиша и отправился по закоулкам. И город ему предстал совсем другим. Раскрылся»¹.

Корандей говорит о прогулках по-академически сдержаннее, но тоже вполне поэтично, понимая географическое место как «место сопричастности (fields of care)», «феномен человеческого опыта и эмоций» (И-Фу Туан), возникающий при «совместном передвижении, ходьбе и прогулке (walking) как феномене сонастройки ландшафта и культур» в концепции Ингольда (С. 259–260).

Близость художественного, визионерского и антропологического в постижении «провоцирующих ландшафтов» очевидна. Уже аннотация книги сообщает нам о «стремлении авторов задействовать не только академические, но и литературные способы репрезентации» (С. 4).

Какова она — периферия провоцирующих ландшафтов, постигаемая и художественно, и академично? Очаровывает и периферия обжитая — будь то ужасающие бараки Мамлеева и Лианозовской школы, наполненные маргиналами и помойками полотна Оскара Рабина, и периферия создаваемая и присваиваемая — например, в логике системного «сурового стиля» бамовских покорителей Сибири и строителей Братска. Здесь антропологи апроприируют и старые достижения городской экологии с ее вниманием к пустырям, изгоняемым биологическим видам, нарушенным и гибридным экосистемам, межвидовой коммуникации и коэволюции адаптирующейся жизни в городских ландшафтах. Руины капитализма, испорченная земля, антропоцен, жизнь в мусоре — все это, вероятно, должно стать востребованной эстетикой крипоты в российской антропологии минимум на следующую половину века. Новые книги о руинах и грибах захватят нас, иначе мы умрем от скуки.

Вслед за антропологами и вместе с ними подтягиваются современные художники: совсем недавно, например, осенью 2025 года стены ГЭС-2 представили посетителям сразу две выставки на схожие сюжеты о ржавых заборах, городских маргиналах, инфраструктурных поломках, испорченной тундре и каком-то совсем непонятном, но загадочном антропологическом звучании всего этого. Одна выставка, художницы Ольги Чернышевой, называлась «Улица Сна» (вполне себе сновидческий трэш-урбанизм), другая — про символическое освоение, промышленную экспансию и трудную жизнь людей на Севере — «Ямальский хронотоп» — мало что сообщала о хронотопе, но была создана в соавторстве с археологами и работниками культуры Ямала. Конечно, это тренд! И хорошо, что и отечественные антропологи дарят нам более понятный язык осмысления жизни периферий (на одних выставках мы бы не сдюжили): примером могут служить работы североведов — Владимира

¹ URL: <https://t-i.ru/articles/29480>

Давыдова, Натальи Новиковой, Анны Сириной, Николая Ссори́на-Чайкова, Дмитрия Функа и многих других наших коллег² и, конечно же, авторов «Провоцирующих ландшафтов». Совсем недавно вышла книга молодого исследователя Николая Гончарова о процессах освоения пространства на севере Якутии [Гончаров 2024].

Итак, у рецензируемой нами книги — солидный бэкграунд исследований периферий, в котором у нее много «двоюродных братьев». Хорошо, что она называется «Провоцирующие ландшафты» — этим она и сама провоцирует, а значит, должна быть нескучной. Заглянем, что же внутри.

«Провоцирующие ландшафты» — ключевая метафора авторов. Что ожидаешь, вычитывая такое на обложке? Вероятно, авторы рассматривают городские окраины не как пассивные или скучные территории, а как пространства, которые активно влияют на социальные практики, идентичность жителей и экономические процессы? Или вызывают конфликты — например, между старожилами и новыми застройщиками, между промышленностью и жилыми районами? Или это такие ландшафты, которые стимулируют творчество и неформальные, «низовые» способы освоения пространства (такие как стрит-арт, самострой, «гаражников» и садоводства)? Или, может быть, они порождают специфические проблемы и вызовы для урбанистики и власти?

Все может быть, ведь речь пойдет, как сообщает аннотация, об «изучении повседневного ландшафта как жизненно необходимого условия человеческого бытия», ни больше ни меньше! Бытие выдает философа в книге, и, как выясняется, даже не одного (Татьяна Быстрова и Любовь Яковлева). Оптика урбанистов из философов (а книга посвящена не просто периферии, а больше городской периферии) — это вам не оптика, скажем, урбанистов из этнографов или урбанистов из фольклористов. Если вы включаете человека с философской закваской в соавторы — книга о городах не будет обычной. Кто еще есть среди авторов? Социальные и исторические географы (Мария Гудковских, Федор Корандей, Александр Шелудков), историк (Константин Бугров) и много-много прекрасных социальных антропологов (Илья Абрамов, Михаил Агапов, Кирилл Истомина, опять Федор Корандей, Максим Черпанов). Такой «междисциплинарный» коллектив позволил уйти от скучной униполярной оптики научной монографии. Авторы позиционируют свою книгу как «сборник очерков, представляющий собой своеобразный путеводитель по повседневным уральским и сибирским ландшафтам» (С. 4).

² См., например: [Давыдов и др. 2016; Новикова 2014; Сирина 2012; Ссорин-Чайков 2012; Функ и др. 2019].

Следующее, что вызывает непереносимое желание прочесть — это то, что эти авторы — полевики, а сама книга написана не как плод теории, а как результат «серии экспедиций по местам Урала и Западной Сибири» в 2020–2022 годы (то есть и в эпоху ковида). Их коллективный текст «представляет собой опыт полилокальной этнографии и социальной географии региона, простирающегося от склонов Уральского хребта до берегов Иртыша и Оби» (С. 7). Участники этого общего проекта интересовали, в частности, «многообразие процессов, происходящих сейчас в ландшафтах вокруг Екатеринбурга и Тюмени», «их исторические и социально-экономические основы», «многоголосие вольных и невольных участников ландшафтных трансформаций», «феноменология повседневных путешествий».

Все мы знаем, что результаты любой экспедиции можно «запороть» чередой скучнейших докладов и статей. К счастью, первое же, поверхностное знакомство с книгой сообщает нам — вроде бы, это не тот случай. Авторы мастерски отработали известный принцип отбора книги по чтению содержания, заголовков, аннотаций, первых и последних абзацев. Метафора — их боевое оружие — присутствует почти в каждом заголовке: это и «заводское сафари», и «вызов болот», и «анекдоты о материальности», и «призраки ландшафтов», и «картография возможного и забытого», и «как увидеть мечети». Чуть уныло звучат названия очерков из раздела «Изобретая туристическое место», но после «вызова болот» это уже не имеет принципиального значения.

Помимо метафор важна и концептуализация поля, избираемая авторами. Прежде всего это понятие аффорданса, который в данном случае может быть представлен как некая действующая, провоцирующая сила периферий и городских ландшафтов. Как известно, это понятие было введено когнитивным психологом Джеймсом Гибсоном в 1979 году в книге «Экологический подход к зрительно-му восприятию» [Gibson 1979], позже оно было привнесено в антропологию Тимом Ингольдом [Ingold 2000; 2018]. Современные изводы антропологии нечеловеков (multispecies anthropology), «по ту сторону человека» и пр. вдохнули новую жизнь оптикам, стремящимся увидеть не четкие структуры, значения и несомненные правила, но — возможности, склонности, вероятности, отношения, сонастройки со-бытия и содействия. «В контексте теории аффорданса метафора включенного “проживания среды” оказывается намного более релевантной исследуемой реальности, нежели метафора “чтения ландшафта”, предполагающая, что такое чтение осуществляется внешним по отношению к ландшафту субъектом, обладающим статусом эксперта», — уточняют авторы книги (С. 11). Почти во всех очерках книги в той или иной степени используется эта оптика. В «аффордансовой оптике» сонастройки авторы ум-

дрились попытаться описать не только свои полевые кейсы, но и собственные конфликты, разногласия и притирки при написании книги (С. 11–12). «Итак, на что провоцируют ландшафты? Прежде всего на коммуникацию по поводу принимаемых терминов» (С. 12). Все это очень симпатично и близко мне как автору, также одержимому аффордансами, стремившемуся разглядеть, описать и типологизировать систему различных аффордансов применительно к кустарному промыслу крестьянских икон [Доронин 2024].

Мир нечеловеков и вмещающих ландшафтов рассматривался нашими коллегами-предшественниками, антропологами недалекого прошлого чаще всего как пассивный фон или ресурс. Для современной антропологии мир нечеловеков (растений, животных, объектов рельефа, инфраструктуры, природной или городской гидросистемы) не пассивен. Он активно предлагает возможности, направляет действие, включается в отношения. Мы живем не в мире отдельно существующих объектов, а в мире аффордансов — возможностей для действия. Сейчас эта мысль уже почти тривиальна, но совсем другое — подробно и убедительно описать существование хотя бы одного из реальных (наших или ненаших) миров, движимых аффордансами. Для этого нужно не философствование, но усилие по настройке новой оптики в долгом поле. Как связную систему аффордансов мы можем описать, например, умвельт людей, связанных с тюменскими болотами.

Аффорданс — не новый синоним ресурсу или фактору среды, это именно содействующие, агентные, провоцирующие отношения, действия ландшафта, промышленности, активности природы и людей. «Эти места предстают в исследовании как <...> созданные характерными для региона природопользованием, промышленностью, сезонной мобильностью, сельской депопуляцией и туристическим бизнесом. <...> В интересующей нас теории среда и населяющие ее создания равноправны и не выстраиваются в иерархической последовательности», — пишут авторы (С. 11).

Вместе с тем использование такой оптики было сопряжено с методологическими трудностями, которые прекрасно понимали участники проекта. С некоторыми высказываниями об аффордансах, вроде «аффордансы имеют информационную природу, мы различаем в мире только то, что способны увидеть» (С. 27), трудно, сдерживая изумление, согласиться. Что за «информационная природа» и почему тогда только «увидеть»? И нет ли в этом «редукционистского привета» из XX века?

«Теория аффордансов, восходящая к феноменологии — философской науке об опытным взаимодействии сознания и мира, — не представляет исследователю глубоко разработанной методологии. Возможно, <...> аффорданс как исследовательская категория, актуальная для множества наук, в том числе для близких проблематике

исследований культурного ландшафта архитектурной теории и городскому планированию, еще только начинает свою историю. У нас не было возможности взять концепт, готовый к использованию: далекие от методологической когерентности статьи, составившие нашу книгу, свидетельствуют, что идею приходилось всякий раз уточнять, масштабировать, приспособливать к новому материалу» (С. 10–11). Такая честная методологическая рефлексия в автоантропологии подкупает и вызывает интерес — насколько же удалась попытка разных авторов книги?

Общая структура «Провоцирующих ландшафтов» такова: книгу предваряет краткое предисловие и введение, написанное Федором Корандеем, затем очерки сгруппированы в четыре тематических блока: «Повседневный ландшафт: приостановка “естественного восприятия”», «Вода как аффорданс», «Изобретая туристическое место» и «Ландшафты депопуляции». В ряде случаев одни и те же авторы написали очерки в разные блоки или в рамках одного тематического блока — такими авторами-доминантами являются Федор Корандей и Михаил Агапов. Как уже было замечено, введение интересно автоэтнографическими материалами, и, как бывает часто в случае подобных сборников, написанных в рамках проекта, именно введение, как и другие статьи основного автора оказываются наиболее концептуально насыщенными.

Во введении поднимается проблема современных исследовательских идеологий, в первую очередь — через «насушность обновления языка и моделей описания пространственной реальности России» (С. 12). Проблемный опыт реализации проекта выкристаллизовал эти идеологии в виде оппозиций: ландшафт или среда; ресурсы или аффордансы; пространство или место; город или деревня. Параграфы, посвященные каждой из оппозиций, своеобразно удвоены: сначала в первой серии параграфов дается описание этих «концептуальных перекрестков», затем следует вторая серия параграфов про те же оппозиции, но с рассказом про то, что же выбрали авторы книги.

Из-за этого удвоения и густого концептуального языка (подходы и авторы как в реферативной главе диссертации следуют друг за другом через запятую) важная часть книги утрачивает необходимую здесь концептуальную ясность — читателю приходится продирааться через разные версии и перечисления. В основном, конечно, это должно быть полезно — но не в плане качественного получаемого знания (тут, увы, автор скорее затуманивает дорогу читателю, чем указывает ему ясные пути), а в плане того же, любимого авторами, провоцирования. Значительную часть введения и удвоение его параграфов как вроде бы диалоговый, но все-таки вызывающий странное впечатление прием можно назвать провоцированием словесным излишеством. Понятно при этом, сколь бы

многого автор ни хотел перечислить, читателю (если он не эксперт) сложно проверить непредвзятость и полноту концептуального перечня. А если читатель эксперт, то ему просто не нужны такие параграфы.

К тому же, даже при такой густоте другому исследователю удастся вставить «свои пять копеек», то есть всегда может чего-то недоставать. Так, например, я с недоверием отнесся к следующему заявлению, словно бы принижаящему значение «места» у антропологов: «Характерны попытки развития “антропологии места”: несмотря на манифесты целого ряда блестящих авторов (Appadurai; Gupta Ferguson; Geertz), современные антропологи все же тяготеют к “антропологии пространства”» (С. 17). Едва ли это характерно для антропологов или «почти антропологов», творящих на полях урбанистики, поскольку один из главных «проклятых вопросов» — вопрос о том, что же такое общественное, общее или антропологическое место, — заставляет постоянно размышлять над этим все новые и новые поколения исследователей, об этом можно прочесть, например, у Рея Ольденбурга или Марка Оже [Оже 2017; Ольденбург 2014].

Такого рода антропологический текст важен для соответствующих глав проектных заявок — возможно, оттуда он и пришел в книгу. Введение, повторюсь, хотелось бы видеть более инструментально ясным. Вместе с тем это, конечно же, важный проблематизирующий разговор об аналитических категориях. Укажем лишь на некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, из затрагиваемых сюжетов: это в первую очередь «центральная для ингольдовской теории идея взаимных возможностей или предрасположенностей любых составляющих земной поверхности, не противопоставляемых друг другу как природа или культура, но описываемых в терминах процессуальной сонстройки [Ingold 2000]» (С. 10) — в противовес популярным постструктуралистским идеям о конструировании пространств и идентичностей. Это его же основанная на концепции аффорданса идея не среды, но «ландшафта задач» (taskscape) [Ingold 2000: 39], являющегося «коммуникативным пространством обучения, в ходе которого человек получает новые навыки на базе примеров и опыта коллективных практик, выражающих разделяемые участниками группы модели мышления и телесного поведения» (С. 14). Вместе с тем, имея профессиональное биологическое образование и многолетний опыт экологического поля, я не могу согласиться с очарованием ингольдовской веры в отсутствие «дикой природы». В процессуальной бесконечности экологических сукцессий историческое присутствие человека «на каждом квадратном миллиметре территории Соединенных Штатов» (С. 15) не отменяет дикости природных сообществ. Очередные сукцессии быстрее или дольше, но сметают, поглощают бывшее когда-либо

присутствие человеческой культуры — артефакты переходят в статус элементов экологической ниши. Всякий газон в средней полосе неуклонно стремится стать смешанным лесом. Гуманитариям следует больше интересоваться процессуальностью экологических систем.

К важным концептуальным сюжетам относится ингольдовская же метафора включенного «проживания среды» (и связанной с этим позиции «укорененного в теле опыта») в противовес метафоре «чтения ландшафта» в британской «ландшафтной археологии» и американской культурной географии (С. 11, 13). Среди важного следует указать и усложнение масштабов оптики, происходящее из двойного возможного прочтения — диспозиционного и реляционного — определения аффорданса (С. 11). Важно и описание того, «что не так» с устаревшим утилитарным (экономическим и экологическим) пониманием ресурса в противовес оптике аффордансов, вскрывающей в возможностях и отношениях сонстройки ситуативные ракурсы эмоций, памяти, опыта, идентичности, самочувствия, самооценки и пр. (С. 16). Это особенно важно в силу того, что многие антропологи до сих пор концептуально незрячи и видят в аффордансе лишь новомодный синоним «фактору» или «ресурсу».

Немаловажным в деконструкции исследовательских идеологий оказывается разговор о преобладании неолиберального «экономического мышления» в современных представлениях об урбанизации (С. 19). Здесь автор обращается к ряду полезных для городского поля концептов, таких как «не-города» (non-cities), «операционные ландшафты» [Brenner 2016], «места между» (interplaces) [Phelps 2017].

Своеобразной аналогией приема остранения [Шкловский 1917] в головах антропологов, возможно, является приятная идея «приостановки “естественного восприятия”, — это то, чему, вероятно, исследователю повседневных ландшафтов нужно учиться в первую очередь» (С. 21). В этом аспекте авторы рассуждают о видимости и невидимости, «внезаходимости» (в очерке Константина Бугрова), обнаружении и «расшифровке» важных городских объектов, таких, например, как мечети (см. очерк Максима Черепанова и Федора Корандея).

Невозможно, увы, подробно остановиться на всех продуктивных и провоцирующих идеях «Провоцирующих ландшафтов». Остановимся вкратце хотя бы на некоторых, обратившись к очеркам. Как следует из названия, очерки **первой части** в большей степени посвящены повседневному ландшафту, проблемам его «видимости», «понимания» и приостановки его «естественного восприятия» (чтобы «увидеть стоящие за привычными до неразличимости

“обыкновенными” окрестностями “контринтуитивные” вещи и структуры») (С. 27).

Социальный географ **Александр Шелудков** исследует феномены «городского фронта» в быстрорастущей урбанизации Екатеринбурга и Тюмени: различные трансформации пригородов и «выход городского за пределы городов» (С. 35). Небезынтересным для читателя будет рассмотрение разных зарубежных концепций городского фронта — от идей из дискурса колонизации, субурбий до концепций городской и сельской джентрификации. По мысли автора, «городской фронт в сегодняшней России — это прежде всего крупные городские агломерации» (С. 40), но в разных крупных городах они могут иметь свою специфическую процессуальность. Так, например, «в отличие от Екатеринбурга, окружающие Тюмень районы остаются слабо урбанизированной и малонаселенной сельской местностью» (С. 41). «С одной стороны, городской фронт стирает грань между городом и сельской местностью, подменяя ее широким пригородным градиентом, с другой стороны, он еще сильнее очерчивает контуры самих агломераций и пространства за их пределами (С. 51). Для анализа особенностей городского фронта в этих городах автор использует ночные спутниковые снимки, которые, как выяснилось, больше отражают процессы трансформации городских ядер. Читатель может насладиться рассматриванием снимков и дотошным обзором происходящих изменений — с названиями заводов, рек, природных парков, фестивалей и коттеджных поселков. Аффордансы, по мысли автора, в городском фронте проявляются тогда, когда «накопившиеся в том или ином месте элементы культурного и природного ландшафта» «характерным взаимным притяжением» «время от времени переосмысляются и встраиваются в новую траекторию развития» (С. 40). Тяготая к оптике макроописаний больших тенденций, очерк представляется добротным наблюдением, временным срезом урбанизации Екатеринбурга и Тюмени.

Вторая глава, то есть очерк **Константина Бугрова** посвящен промзонам уральских городов и начинается с исповедального описания пешего вхождения автора в Нижний Тагил. Автор фокусируется на ощущениях и эмоциях от запахов, звуков, размеров и форм минувших им городских ландшафтов. Наиболее интересную для него часть путешествия он называет «заводским сафари» — это исследование индустриальных ландшафтов. «Чтобы получить полноценное впечатление о львах и буйволах индустриальной зоны, вам нужно увидеть, услышать, почуять их без технических ухищрений — с земли, от забора, от кромки отвала или ограды шламохранилища. Увидеть не глазами работника завода, для которого открыты все двери и для которого завод давно стал рутиной, профессиональным естественным отношением, — но глазами оста-

новившегося в изумлении прохожего пешехода» (С. 57), — мысль красивая, но, на наш взгляд, сомнительная. Статья насыщена картами, маршрутами «заводских сафари», размышлениями и фактами по индустриализации и деиндустриализации от царских и советских времен до современной эпохи децентрализации, рассредоточения и мобильности постмодерной индустрии. Не стесняясь ярких метафор, Бугров рисует сафари разных типов: «Если уподобить индустриальное пространство пространству сафари, то технологические различия производств окажутся подобны межвидовым различиям животного мира. Поэтому, с одной стороны, речь пойдет об общих аффордансах промплощадок, с другой стороны — о специфических “повадках” отдельных обитателей этой индустриальной саванны, поскольку, разумеется, здесь есть свои “слоны”, “носороги” и “бегемоты”. Металлургический комбинат ведет себя вовсе не так, как рудник, и оба отличаются от, например, угольного разреза» (С. 61). Автор подробно описывает жизнь, историю и структуру этих «удивительных существ» индустриального мира, но уже средствами привычного историко-краеведческого дискурса. Далее в очерке исследуются разные феномены заводской агломерации — временные рабочие поселки, соцгорода, «поселки другой стороны», «заводские предполья», санитарные зоны, коллективные сады, гаражно-строительные кооперативы и пр. «Ключевой аффорданс периметра промышленной площадки в позднесоветском городе — возможность строительства гаражей, маркировавших пограничную зону между селитьбой и заводским забором» (С. 73). Если в промышленную эру заводы и комбинаты вели себя как хищники, по-разному поглощая и преобразуя городские ландшафты, то «после отмены системы планового хозяйства город и завод поменялись местами. Началось великое сжатие индустриальных пространств, промышленная периферия обратилась в нерестилище мелкого и среднего бизнеса. <...> Завершающей точкой в истории периферийных зон промплощадок становится их реновация — снос промышленных зданий для возведения жилья либо коммерческой недвижимости. Жилые кварталы сами начали охотиться на крупную промышленную добычу» (С. 80).

Третья глава, то есть статья **Максима Черепанова** и **Федора Корандея** называется «Как увидеть сельские мечети: внешний вид и практики использования». Авторы критикуют и описывают исследовательскую метафору «чтение ландшафта» как не вполне понятную для осуществления, неразработанную исследовательскую программу. Ссылаясь на других исследователей, они пишут о привычности и понятности языка родного ландшафта — без перевода и даже без слов. В этом ключе на примере сельских мечетей они говорят о важных, статусных зданиях повседневного ландшафта, имеющих «удивительное свойство ускользать от наблюдения и

анализа» (С. 86). Выясняя причины этого, авторы подробно описывают историю, типическое и особенное в архитектуре около сотни мечетей Тюменской области, вводят их архитектурную и социальную типологию, отмечая распределение типов на картах. «По необходимости “поверхностное” прочтение сельской мечети как феномена повседневной застройки позволяет судить об исторической географии, актуальном экономическом состоянии и перспективах исламских районов юга Тюменской области», — заключают авторы (С. 104).

Вторая часть носит красивое название «Вода как аффорданс», и при чтении книги я больше всего надеялся на нее. Ожидания меня не подвели: объединенные в ней очерки — «антропологический Джек Лондон» тюменского севера. В ней, как повествуют авторы, «мы говорим об аффордансах в самом, пожалуй, близком к классическим определениям смысле — как о физических предрасположенностях среды, распознавание которых позволяет раскрыться многообразию способов человеческой адаптации. Главные аффордансы ландшафта Западной Сибири связаны с характерным почвенно-водным балансом. Какие формы адаптации порождает подобный болотно-речной рельеф, как связаны в нем традиционное природопользование и современный уклад жизни?» (С. 27) — экспликация сформулирована почти традиционно географически и этнографически.

Глава четвертая, очерк **Ильи Абрамова** и **Федора Корандея** — этот тот самый «вызов болот», метафорой которого я восхищался в начале этой рецензии. Текст явился плодом анализа результатов трех экспедиций в «Тобольское Заболотье — историческую область, ландшафтные “предрасположенности” (аффордансы) которой породили ряд интересных феноменов»: гидрография этой обширной заболоченной равнины была преобразована традиционным природопользованием местных татар и испытала на себе «сильнейшее влияние советских планов по индустриальному “улучшению” природы» (С. 108). Как пишут авторы, поиском полезных средовых аффордансов и прогнозированием реакции среды в XX в. здесь занимались ученые и инженеры, однако в Заболотье люди создавали каналы еще до появления научных институтов. Такие изобретения рождаются из «непрерывного практического диалога со средой» (С. 133), а не из абстрактных размышлений. «Все описанное выше — элементы конкретного ассамбляжа, который собирался и собирается из разных составляющих, в зависимости от конкретных аффордансов» (С. 133).

Чтобы исследовать регион, авторы выбрали рискованный даже для аборигенов вариант — пройти болотными тропами, переплывая открытую воду на лодке. Проводником по тропам согласился выступить местный мулла, поэтому ценность исследования была

фреймирована антропологами как совместный опыт общения, соучастия, содействия со вниманием и заботой о других. «Действуя так, мы создаем мир совместных возможностей (world of affordances in common)», — уточняли авторы (С. 109). К дорожным аффордансам, формирующим традиционную болотную тропу, авторы относят летние отрезки пути между лесными островами «нормальной» земли, более прямые зимники, общественные лодки, рукотворные каналы разных типов (резки, копанцы), «просеки, прорубленные геологоразведчиками, связистами или нефтяниками под свои нужды» (С. 113).

Очерк оказался скроен так, что перемежает воспоминания путешествующей команды и их собеседников с историческими и географическими справками, размышлениями над аффордансами и с воспоминаниями Тима Ингольда, много думавшего над этим. Совместное путешествие по Заболотью оказалось размышлением над главным тезисом Ингольда о вплетенности человеческой жизни в конкретный ландшафт, в процессе чего и складываются человеческие навыки. Очерк насыщен эмной терминологией, микротопонимами и документами экспедиций.

Пятая глава написана **Михаилом Агаповым** и **Федором Корандеем** и повествует о циклах сезонной мобильности зимников Западной Сибири. Представляющаяся внешнему наблюдателю бездорожная тундра Нижнего и Среднего Приобья с точки зрения индигенного населения — оленеводов-кочевников — полна путей (С. 136). С индигенными практиками мобильности оказался органично связан феномен автомобильного зимника. Здесь снова раскрывается сюжет о видимости / невидимости объектов повседневного ландшафта: «Неофициальные зимники покрывают ландшафт сетью путей, практически не заметных для не включенного в локальные практики мобильности человека. На этом уровне различие между “дорогами” и “направлениями”, зафиксированное в известной северной максиме, во многом стирается» (С. 143). Сезонная динамика такова, что если летом максима «здесь нет дорог, только направления» сулит серьезные проблемы наземному путнику, то зимой она отражает почти безграничные возможности мобильности. Глава состоит из наблюдений двух авторов, оформленных как самостоятельные очерки: Михаил Агапов исследовал самые северные зимники региона на Ямале, Федор Корандей наблюдал за зимниками Тобольского Заболотья. Авторы описывают социальные и инфраструктурные особенности зимников разных типов, взаимосвязь государственного и «дикого», индигенного и техногенного аспектов мобильности.

В шестой главе **Михаил Агапов** описывает обские плавмагазины как агенты мобильной инфраструктуры. «Важнейшим аспектом сонастройки водно-берегового ландшафта и плавмагазинов

как мобильных агентов являются ходовые качества и грузоподъемность судов» (С. 162), одни из которых были сразу созданы как плавмагазины, другие же перестраивались из судов другого типа. Автор описывает их характеристики, которые позволяют им использовать ландшафтные аффордансы с максимальной эффективностью (С. 163), а также повествует о социальных и инфраструктурных особенностях работы плавмагазинов разных типов в разнообразном ландшафте Нижнего Приобья. Здесь плавмагазин сочетает в себе качества прокладчиков путей сообщения и узлового пункта обмена, он оказывается местом, «в котором соединяются, взаимодействуют и фрагментируются различные области реляционных сетей и потоков (С. 164). Любой водный путь, способный привести к потенциальным покупателям, воспринимается судоводителем плавмагазина как предоставляемый ландшафтом аффорданс: «Мы заходим во все деревни, где есть вода. Есть вода — заходим, нет воды — не заходим» (С. 158).

Третья часть сборника посвящена социополитическим ландшафтам, ситуации поворота страны к «внутреннему туризму» как к аффордансу, предположительно позволяющему оживить депопулирующие сельскохозяйственные территории. Очерки посвящены специфической деятельности по созданию мест, особых, притягательных и значимых для человека фрагментов пространства. Что нужно сделать, чтобы «создать» место? С какими ограничениями, техническими и концептуальными, с какими неожиданными последствиями сталкиваются люди, пытающиеся это сделать?

В седьмой главе **Федор Корандей** исследует влияние федеральной программы по развитию туризма (2011–2018 годы) на городской брендинг в России. Используя теорию аффордансов и подход Тима Ингольда, автор показывает, как программные документы стали не инструкцией, а своеобразным аффордансом — средой возможностей, «провоцирующей» местных акторов на новое «прочтение» и преобразование городского ландшафта. Ключевыми фигурами выступают местные энтузиасты — «эксперты по распознаванию аффордансов». Их работа, однако, представляет собой не холодный расчет, а «квалифицированное внимание» и «освоение» среды в духе Ингольда — лично насыщенное взаимодействие с местом, направленное на выявление символического капитала в локальной истории. Итогом этого процесса становится «ретроспективный бустеризм»: главным распознанным аффордансом оказывается прошлое. Созданный брендингом ландшафт превращается в «театр материальности», товариизирующий уютные образы истории, но оставляющий реальные проблемы городов в «призрачном» статусе.

В восьмой главе «Эстетическая оценка термальных источников Тюменской области» **Мария Гудковских** показывает, каким обра-

зом техногенные термальные источники были переосмыслены в 2010-е годы как ключевой туристический аффорданс региона. Визуальное восприятие — «пейзажные картины» из бассейнов — критически влияет на рекреационный опыт: гармоничное сочетание природы и инфраструктуры усиливает аффорданс, тогда как высокие заборы и безликий дизайн его разрушают. Анализ выявляет парадокс: при декларируемой «природности» большинство объектов эстетически провальны. Исключение — источник «Тобольский», где продуманная интеграция в ландшафт создает целостный аффорданс, раскрывая конкурентный потенциал тюменского туризма через осознанное проектирование визуальной среды термальных источников как целостного аффорданса.

В девятой главе **Федор Корандей** и **Михаил Агапов** описывают, как археологические места, попадая в публичную сферу, становятся сложными ландшафтами, где сталкиваются разные практики и смыслы. Ключевыми для их понимания являются аффордансы — свойства среды, которые та или иная группа людей воспринимает как возможности для действия. Например, один и тот же холм предоставляет научный аффорданс для археологов и ритуальный аффорданс для посетителей, которые спонтанно сакрализуют его, повязывая ленточки и оставляя подношения. Это порождает конфликты между группами, включенными в разные «режимы наследия»: археологами, местными жителями, предпринимателями и представителями религиозных движений. Материальная среда — будь то спиленное священное дерево или новая каменная спираль — становится зримым воплощением этой борьбы. Таким образом, современное археологическое место — это «гибрид», чья материальность формируется во взаимодействии между метанарративом коммодификации, тактиками «низовой» сакрализации и профессиональными ограничениями. Его окончательный облик отражает временный консенсус или открытый конфликт в интерпретации его аффордансов.

Заключительная часть книги посвящена ландшафтам депопуляции, которые обычно описываются как пострадавшие от неравномерного распределения экономических фактов в «жесткой» оппозиции города и деревни. Авторы задаются вопросами: «Как устроена депопуляция не в мелком масштабе вышеуказанной оппозиции, но “вблизи”, “изнутри” самих мест? Какие аффордансы, ожидаемые и неожиданные, возникают в ландшафтах отъезда и запустения и кто в отсутствие людей способен их различать?» (С. 28).

В десятой главе «Без центра: негативные аффордансы сельских поселений» **Татьяна Быстрова** вводит ключевое понятие негативных аффордансов — свойств среды, которые не поддерживают человеческую активность, а подавляют ее. Опираясь на Гибсона, автор показывает, что устойчивость села зависит от наличия позитивных

аффордансов — элементов, провоцирующих коммуникацию и осмысленное действие. В сельском контексте главным негативным аффордансом оказывается отсутствие настоящего центра — не административно назначенного, а органически сложившегося узла социальных связей, «провоцирующего» коммуникацию. Формальные центры (администрация, мемориалы) остаются пустынными, тогда как реальная жизнь смещается к периферии (магазины у трасс), что разрушает целостность поселения. Эта «ценностная инверсия» — зримое воплощение негативного аффорданса: среда больше не поддерживает, а подавляет человеческую активность. Исчезает «наполненность» деталями, которые активизируют восприятие и провоцируют взаимодействие. Деградация сельской среды — это результат преобладания негативных аффордансов, когда среда становится «безголосой» и перестает «отвечать» человеку, не предлагает возможностей для деятельности и в конечном счете приводит к депопуляции.

В одиннадцатой главе **Федор Корандей** развивает идею «призраков» ландшафта — значимых отсутствий, следов прошлого, которые материально невидимы, но продолжают активно существовать в памяти местных жителей и формировать их взаимодействие с пространством. Эти «призраки» (исчезнувшие церкви, закрытые пельменные, сгоревшие бани) выступают как особые аффордансы — они «провоцируют» нарративы, пробуждают ностальгию и эмоциональные отклики, направляя внимание и движение людей в пространстве. Метод мобильного интервью (go-along) с GPS-трекингом позволяет выявить, что ключевые точки маршрутов — это зачастую не официальные достопримечательности, а именно эти «пустыри», невидимые для постороннего, но наполненные смыслом для инсайдеров. Аффорданс здесь — это не то, что среда предлагает в настоящем, а то, что она хранит в памяти, что продолжает влиять на поведение и самоощущение людей даже в условиях депопуляции. Игнорирование этих «призрачных» аффордансов обедняет понимание сельского ландшафта. Его устойчивость и значение определяются не только физической инфраструктурой, но и сетью невидимых связей с прошлым, которые продолжают направлять жителей, формируя «места сопричастности» даже в условиях упадка.

В двенадцатой главе «Когда уходят люди: заброшенный городской ландшафт и его влияние на экосистему тундры» **Кирилл Истомина**, анализируя последствия депопуляции, опровергает «миф о природе в равновесии», показывая, что прекращение человеческой деятельности становится мощнейшим «возмущающим воздействием», которое не возвращает экосистему в «естественное» состояние, а, напротив, провоцирует ее переход в новое, часто необратимое и нежелательное состояние. Уход человека не «освобождает» при-

роду, а обрывает сложившиеся материально-энергетические связи, дестабилизируя всю социоэко систему. Ярче всего это иллюстрируют примеры из жизни тундровиков, такие как появление и исчезновение диких собак. После депопуляции поселка Хальмер-Ю в тундре появились стаи диких собак (по мнению одних — одичавшие домашние, по мнению других — гибриды с волком). Они использовали аффордансы заброшенной инфраструктуры — подвалы, «закутки» домов, песчаные карьеры — для устройства логовищ, так как не могли рыть норы в вечной мерзлоте. Это делало эти ландшафты опасными для оленеводов, вынуждая их менять маршруты кочеваний. Их последующее исчезновение информаторы связывают не с «успокоением» природы, а с новым технологическим вмешательством — распространением снегоходов, что позволило эффективнее истреблять собачьи стаи.

И хотя Кирилл Истомин не использует напрямую термин «аффорданс», его исследование наглядно демонстрирует этот принцип через анализ последствий депопуляции. Поэтому, для лучшего представления идей этой важной статьи, я позволил себе, соответствуя «общему духу книги», употребить от себя этот термин. Очень надеюсь, автор простит мне эти небольшие вольности моей интерпретации. Фактически, автор убедительно демонстрирует, что ландшафты, включая городские, — это не пассивный фон, а активные участники социоэко системы, обладающие определенными аффордансами. Эти «возможности» среды по-разному используются разными акторами (людьми, собаками, растениями, рыбой).

В своем послесловии **Любовь Яковлева** подчеркивает, что ключевой идеей книги «Провоцирующие ландшафты» является «аффорданс» — понятие, обозначающее не объективные свойства среды, а возможности для действия, которые раскрываются только во взаимодействии с человеком. Эти возможности не даны заранее, они рождаются из сплава телесного опыта, культурных практик и конкретной исторической ситуации. В разных главах книги перед нами предстали аффордансы разных типов: это аффордансы выживания (Заболотье, взаимодействие с водой, рыбой, каналами), эстетические аффордансы (термальные источники, атмосфера, расслабление), аффордансы невидимого (призраки мест, ностальгия, ретротопия) и промышленные аффордансы (платоновская эстетика завода как «машины-зверя»).

Ландшафт предстает не как статичная картина, а как динамическое поле отношений, постоянно провоцирующее на диалог и действие. Автор задается вопросом: откуда мы смотрим на ландшафты? Возможны два типа взгляда: сверху (карты, спутники, абстрактное видение) и изнутри (пеший путь, телесный опыт, взаимодействие с местностью). Этим «изнутри» и заняты авторы книги: они буквально идут путями Тима Ингольда, идут пешком, и их

текст — это сам путь, где письмо становится формой исследования и повествования. Тело в поле — это не физический объект, а интенциональность, «я могу» (Морис Мерло-Понти)³, сознание и действие неразделимы при взаимодействии с ландшафтом. Эта же мысль, приложимая к странствующим антропологам, подается через идеи философов Валерия Савчука и Валерия Подороги⁴: мысль неотделима от своего места, она «сорождается» вместе с ландшафтом, его тьмой, сопротивлением пород — ничто не может быть отброшено. Топологическая рефлексия (по Савчуку) — это метод, который требует не взгляда со стороны, а пути из самого центра событий и места, с телесными ощущениями и ощущениями человека в ландшафте.

Саму книгу автор представляет как форму топологической рефлексии (Валерий Савчук), где письмо уподобляется прокладыванию пути. Этнографический текст становится проводником, который позволяет читателю пережить смену перспектив — от отстраненного взгляда карт до погружения в плотную материальность места, и тем самым приблизиться к пониманию того, как мысль и ландшафт неразрывно сплетаются друг с другом. Читатель книги приглашается не к отстраненному анализу, а к упражнению в такой рефлексии — к сочувствию и узнаванию невиданных мест через текст.

Сквозным сюжетом всей книги Любовь Яковлева считает утрату, зарастание, исчезновение и забвение. «Провоцирующие ландшафты» — это не просто сборник очерков, а картография возможного и забытого, где ландшафт понимается как живое, изменчивое пространство диалога между человеком, природой, историей и памятью. Монография проводит читателя по местам, где аффордансы утрачиваются: заброшенным заводам, зарастающим каналам, опустевшим деревням. Это не просто физическое запустение, но и разрыв живых связей между телом, памятью и пространством, экзистенциальный разрыв. Однако поскольку это и «картография возможного», книга возвращает голоса этим ландшафтам через сами методы исследования — пешее прохождение, беседы с жителями и внимательное вглядывание, которые позволяют оживить «призраков» мест и сделать видимым невидимое.

Литература

Гончаров, Н. С. (2024). *Связывая пространство: практики и стратегии жизнеобеспечения северных сообществ Республики Саха (Якутия)*. СПб.: МАЭ РАН.

Давыдов, В. Н., Симонова, В. В., Сем, Т. Ю., Брандишаускас, Д. (2016). *Огонь,*

³ См.: [Мерло-Понти 1999].

⁴ См.: [Подорога 2013; Савчук 2012].

- вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири: коллективная монография. СПб.: МАЭ РАН.
- Доронин, Д. Ю. (2024). Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 42(3), 100–135. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-100-135>
- Мерло-Понти, М. (1999). *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента; Наука.
- Новикова, Н. И. (2014). *Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии*. М.: Наука.
- Оже, М. (2017). *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ольденбург, Р. (2014). *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.
- Подорога, В. А. (2013). *Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв.* М.: Канон+.
- Савчук, В. В. (2012). *Топологическая рефлексия*. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация».
- Сирина, А. А. (2012). *Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение*. М.: Восточная литература.
- Ссорин-Чайков, Н. В. (2012). Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара. *Экономическая социология*, 13(2), 59–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2012-2-59-81>
- Функ, Д. А., Поддубиков, В. В., Миськова, Е. В. и др. (2019). *«Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы*. М.: Демос.
- Шкловский, В. (1917). Искусство как прием. В В. Шкловский и др. *Сборники по теории поэтического языка*, вып. II, 3–14. Петроград: Тип. З. Соколинского.
- Brenner, N. (2016). *Critique of urbanization: Selected essays*. Berlin: Bauverlag Gütersloh; Basel: Birkhäuser.
- Gibson, J. J. (1979). *The ecological approach to visual perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Ingold, T. (2018). Back to the future with the theory of affordances. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 8(1/2), 39–44. <https://doi.org/10.1086/698358>
- Ingold, T. (2000). *The perception of the environment: Essays on livelihood, dwelling and skill*. London: Routledge.
- Phelps, N. A. (2017). *Interplaces: An economic geography of the inter-urban and international economies*. Oxford: Oxford University Press.

References

- Augé, M. (2017). *Non-places: Introduction to anthropology in supermodernity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Brenner, N. (2016). *Critique of urbanization: Selected essays*. Berlin: Bauverlag Gütersloh; Basel: Birkhäuser.
- Davydov, V. N., Simonova, V. V., Sem, T. Yu., Brandishauskas, D. (2016). *Fire, water, wind and stone in Evenk landscapes: Human-nature relationships in Baikal Siberia*. St. Petersburg: Muzej antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo Rossijskoj akademii nauk. (In Russian).
- Doronin, D. Yu. (2024). Shining shrines: The craft of the popular icon and its affordances in the 19th–20th centuries. *Gosudarstvo, religiya, tserkoo' v Rossii i za*

- rubezhom, 42(3), 100–135. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-100-135> (In Russian).
- Funk, D. A., Poddubikov, V. V., Miskova, E. V., et al. (2019). *The resource curse and social expertise in Post-Soviet Siberia: Anthropological perspectives*. Moscow: Demos Print House. (In Russian).
- Gibson, J. J. (1979). *The Ecological approach to visual perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Ingold, T. (2018). Back to the future with the theory of affordances. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 8(1/2), 39–44. <https://doi.org/10.1086/698358>
- Goncharov, N. S. (2024). *Binding space: Practices and strategies for livelihood security in the northern communities of the Republic of Sakha (Yakutia)*. St. Petersburg: Muzej antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo Rossijskoj akademii nauk. (In Russian).
- Merleau-Ponty, M. (1999). *Phenomenology of perception*. St. Petersburg: Juventa; Nauka. (In Russian).
- Novikova, N. I. (2014). *Hunters and oil workers: Studies in legal anthropology*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Oldenburg, R. (2014). *The third place: cafés, coffeehouses, bookstores, bars, beauty salons and other hangouts as the foundation of community*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Phelps, N. A. (2017). *Interplaces: An economic geography of the inter-urban and international economies*. Oxford: Oxford University Press.
- Podoroga, V. A. (2013). *Metaphysics of the landscape: Communicative strategies in the philosophical culture of the nineteenth and twentieth centuries*. Moscow: Kanon+.
- Savchuk, V. V. (2012). *Topological reflection*. Moscow: Kanon+, Regional'naya Obshchestvennaya Organizaciya Invalidov "Reabilitatsiia".
- Sirina, A. A. (2012). *The Evenki and Evens in the modern world: Self-consciousness, nature management, worldview*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).
- Shklovsky, V. (1917). Art as Device. In V. Shklovsky et al. *Collections on the Theory of Poetic Language*, Iss. II, 3–14. Petrograd: Tip. Z. Sokolinskogo. (In Russian).
- Ssorin-Chaikov, N. V. (2012). Bear skins and macaroni: On social life of things in a Siberian state collective, and on the performativity of gift and commodity distinctions. *Journal of Economic Sociology*, 13(2), 59–81. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2012-2-59-81> (In Russian).
- Ingold, T. (2000). *The Perception of the environment: Essays on livelihood, dwelling and skill*. London: Routledge.